

A close-up portrait of a woman with short, light brown hair and bangs. She is wearing dark-rimmed glasses and has a slight smile. Her hand is resting under her chin, and she is wearing a ring on her finger. She is wearing a grey patterned blouse. The background is dark.

16+

Светлана Демиденко
Любите меня!

Светлана Владимировна Демиденко

Любите меня

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56309250

SelfPub; 2024

Аннотация

В этой книге описаны знаменательные события, произошедшие в моей жизни. По сути – жизнеописание.

Светлана Демиденко

Любите меня

Над озером шальным Кружатся злые чайки,

Я в лодочке сама

Тихонечко кружусь.

А хочешь расскажу,

Что было, без утайки,

А хочешь, ничего

Тебе не расскажу.

Любите меня пока я жива

Пока не остались

Только голос

Да слова.

Любите меня!»

Вероника Долина

Моя повесть будет состоять из отдельных рассказов. Кому-то интересна жизнь известных людей- кинозвёзд, писателей, политиков, а кому-то интересна жизнь людей обычных, из толпы.

Когда я была маленькой девочкой, и меня возили за 5 остановок от дома в детский сад – из окна трамвая я смотрела в окна проплывающих мимо домов. Я видела, там движутся люди. Что-то готовят на кухне, кто-то поливает цве-

ты и т.д. Я думала, неужели у них тоже есть свой мир, своя отдельная жизнь от моей и они не знают, что я есть на свете. Я не могла поверить, что таких как я – много. И, наверное, они тоже думают, что весь мир крутится вокруг них. Во всяком случае, я думала так, что самая главная на свете- это я- Света Демиденко, а все остальные являются моим фоном. И, только глядя в эти окна поняла, что я малая песчинка в огромном мире, в котором легко потеряться.

Маленькая я была очень вредной девчонкой (многие думают так обо мне и сегодня). Когда я с родителями приезжала на лето к бабушке в деревню- баба Марфа (папина мама), наверное начинала считать дни до моего отъезда со дня нашего приезда. Мы не любили друг друга. Теперь, ставя себя на её место, я думаю, что таскала бы такую внучку за волосы.

Деревня наша называлась красиво- Королёвка. Дом у бабы Марфы был из 2-х комнат и сеней. Все стены, пол и потолок были выкрашены в красный цвет. К потолку был прикреплен большой крюк, тоже выкрашенный в красный цвет. Этот крюк был предназначен для подвешивания люльки, в которой когда-то нянчили моего папу. На стене, возле которой стояла железная кровать, висел жуткий ковер- разукрашенный холст с краснощёкими девицами. Такие коврики Вицин в «Операции Ы» продавал.

Имелась, естественно, и русская печь, занимавшая полкомнаты. На этой печи за занавеской стояли фляги с брагой. Брагу, самогонку делали в каждом доме, хотя это было запрещено. И вот однажды пришла какая-то комиссия по борьбе с самогоноварением. Меня посадили на печь и закрыли занавеской- решили, наверное, что комиссия не будет совать свой нос туда, где ребенок отдыхает. Но я то дурочка думала, что баба Марфа назло мне спрятала меня от гостей. Я резко отдернула в сторону ненавистную шторину, свесила ноги и скрестила руки на груди- вот она я, какая красивая, городская девочка! Баба

- 2 -

Марфа толк меня назад, штору задернула, да зубами скрипнула. Ах, ты мне назло, и я тебе! В общем, мы дергали с ней эту шторину до тех пор, пока комиссия фляги с брагой не увидала, да во двор не вынесла. И полилась сивуха синей рекой в землю, в траву-мураву, по которой я так любила бегать босиком. Естественно на меня ругались, а за что, я поняла много лет спустя.

Ещё в деревенском доме меня сильно раздражали мухи и грязные окна. Может быть они были и не грязными, но какие-то непрозрачные, и мухи с них прямо не слезили. Между рамами окон лежала жёлтая вата с ёлочными игрушками, что тоже меня приводило в недоумение. На улице лето, а елочными игрушками украшают ёлку, когда на улице зима. В об-

щем, мне в окна ничего не было видно, меня это злило, и я время от времени эти окошки выбивала. Трах кулаком и нет окна и все видно. Меня ругают, шум стоит. А я говорю : «Ничего, Лёша Князев вставит!». Лёша Князев- сосед лет 50-ти, местный стекольник. Как я руки не резала ? Не знаю, может они и не стеклянные были эти окна, а на стеклянные видно денег не было, потому что сколько помню – окна были заткнуты подушками, пока я гостила в деревне.

Прости меня, баба Марфа!

Когда я училась в 3-ем классе, у меня родилась родная сестренка Инночка. У Инны глаза были как звездочки, локонны, как у Суок из «Трёх толстяков». Папа говорил маме: «Как вспомню про Инну, сразу настроение поднимается, и так жить хочется.»

Инна росла такая самостоятельная, сообразительная, со всеми тётками, бабками из дома здороваться начала, как только говорить научилась.

Ела со мной наравне, поэтому щёчки у неё были, как у хомячка. Меня тайно

Любила и брала с меня пример, хотя мы с ней и ругались, и дрались. С класса седьмого Инна втихаря начала таскать мои вещи – модничать (я то уже работала). Соберусь на работу, колготок нет – это Инна в школу нарядилась! А ты, Све-

та, хоть босыми ногами иди! Как ты орёшь, -в школе то не слышно! Собралась надеть новый спортивный костюм, синий с белыми лампасами, румынского производства (страшный дефицит в то время был), ни разу ещё не надевала, а на спине куртки- след от утюга. Это Инна, оказывается, на физкультуру в школу ходила и после занятий решила уничтожить следы его пользования, но след остался навсегда.

Теперь, когда Инна выросла, мало, кто замечает нашу разницу в возрасте в 10 лет. Разницу то замечают, но не предполагают её размеров. Сегодня Иннуля – моя первая подружка. Она рекомендует, что мне купить, что надеть, в чём я красавица, а в чём, как дура. Вещи, кстати, носили одного размера, хотя Инна теперь худее меня и, периодически даём друг другу носить свои вещи. Когда Инна училась во 2-ом классе, ей прокололи уши и купили золотые серёжки- такие маленькие половинки горошинок. Но носила она их недолго. В школе ожидали какую-то комиссию и велели всем девочкам серёжки из ушей вынуть, оставить дома. А Инна забыла дома их снять, увидела директора школы, шагающего ей навстречу по

-

коридору, и бросилась в раздевалку при физкультурном зале. У них должна была быть физкультура. В раздевалке кроме уборщицы, моющей пол, никого не было. Инна повернулась к ней спиной, сняла серьги и сунула их в пенал в

портфеле, и дальше-на перемену. Уборщица вышла следом, обняла за плечи и гадски мило улыбнулась ей в лицо. Моя самая сообразительная из сообразительнейших сестрица кипулась назад в раздевалку и увидела пустой пенал. То есть, конечно в пенале были авторучки и карандаши, но серёжек, естественно, там уже не было. Конечно было заявление в милицию, разборки и т.д., но то, что эта уборщица украла у нас серьги, мы не могли доказать. Надо сказать, что она имела мерзкую внешность с мелкими чертами лица и мерзкую фамилию Собашникова. Также она имела несколько мерзких детей, каждый из которых без конца оставался на второй год. Одна из её старших дочерей училась со мной в 1-ом классе (училась она там кстати 3 года) и кроме того, что её звали Марина, я ничего сказать не могу.

Короче, прошло 3 года, я уже работала в ЦУМе старшим продавцом и была принята в кандидаты в члены КПСС. И, именно в тот день, когда мне в райкоме КПСС должны были выдать членский билет, я, садясь в маршрутный автобус увидела одну из дочерей воровки Собашниковой в серьгах моей сестры. У меня так бешено заколотилось сердце, кровь хлынула в голову, и я подумала: пусть опозорюсь сейчас, но шанс не упущу.

–Девушка, вас не Марина зовут? -спрашиваю я

–Нет! – засмеялась та.

–А сестра у тебя есть Марина?

–Есть! Ха-ха-ха! –радуется, что они похожи друг на друга

и их спутали.

–А фамилия у тебя Собашникова?

–Да! Ха-ха-ха!– (ну дуры кусок)

– А серёжки на тебе чьи?– пытаю я

–Это мне мама купила!

–А твоя мама кроме бутылки что-то дороже покупала?–
начинаю хамить я.

В автобусе тишина! Театр 2-х актеров начинается.

–Это серьги моей сестры, которые ukrала твоя мать, когда работала в школе. Разве ты не знаешь, что она была под подозрением, даже трое суток в КПЗ просидела?(это правда).– Я ведь с тебя их сейчас сниму и все дела,– говорю я, а сама чувствую, как у меня трясутся руки и я от охваченного гнева не смогу даже просто руки поднять, не то, что серьги хладнокровно вынуть.

Та что-то огрызается, говорит мне, я уже не помню что. Думаю, спрошу у кого-нибудь, не поможет ли мне кто про- водить её до отделения милиции. Кстати, она была с подруж- кой. Смотрю, стоит молодой лейтенант и, якобы читает газе- ту. Я обращаюсь к нему:

–Извините, вы не подскажете, где в центре отделение ми- лиции? -я поняла, что эти девицы собираются выходить у центрального рынка.

Тот мне отвечает:

–Я Вам помогу!

На Центральном рынке, я чуть было первая не выскочила,

а лейтенант меня за локоть приостановил:

-4-

-Подождите, пусть они первые выйдут.

Короче, проводил нас до дежурного центрального отделения милиции и откланялся.

Девки в ожидании беседы с представителями власти веселились от души, заигрывали со всеми подряд.

На работу в этот день я пришла где-то после трех часов, не говоря о том, что членский билет я получила тоже в другой раз.

Волокиты было много. Радовало то, что серьги до выяснения были изъяты у этой Собашниковой, имени которой я до сих пор не знаю. А когда я поняла, что дело опять затягивается, опять нет доказательств и т.д., я заявила со скандалом к начальнику уголовного розыска. Соврала ему, что в этот день мне была назначена встреча со следователем, которая не состоялась по неизвестной причине. На самом деле я пришла в свой выходной с ним побеседовать и узнать в чем проблемы. В ожидании следователя на его рабочем месте я прождала 3 часа в коридоре и, обозлившись, как сто чертей, обрушилась на начальника. Считаю, что вывалила ему кучу дельных советов по поводу ведения своего дела, до которого, естественно, не было никому никакого дела. Мы знали точный вес и цену этих серёг, дату их приобретения и конечно

место приобретения. В те времена всё было дефицитом, и я хотела бы знать где, когда и за сколько купили их господа Собашниковы?

В общем дяденька начальник внимательно меня выслушал и дело пошло в гору. Следователи, а их было почему-то несколько, а может быть они как-то по-другому называются, посетили нас за последние 3 дня множество раз. Сколько раз они посетили Собашниковых не знаю, знаю только ,что те

несколько раз ввали, где они их купили, и их версии ни разу не подтвердились. На третий день после посещения мною отделения, нас пригласили проехать в отделение и забрать свои несчастные серёжки. Приехали лично и попросили поехать маму и сестру, а когда я тоже начала собираться, холодно велели мне остаться дома. Я их достала видно. Чем и горжусь!

А Коза-Воровка попала под амнистию, как многодетная мать, в честь какой-то очередной годовщины Победы нашей Родины над фашистской Германией. Ну и плевать! Зато Ин-не остался на память единственный папин дорогой подарок. Папа, к сожалению, у нас трагически погиб за год до этого случая.

Смерть Папы было первое в моей жизни горе. Огромное, как если бы это слово написать во всё небо. Я поняла, что

именно тогда, с его смертью, закончилось мое детство. Мне было почти 22 года. Да, именно до этих лет я, оказывается, была ещё ребенком.

Где-то в конце мая мне приснилось, что Папа белит стены в нашей квартире. Увлекаясь в то время гороскопами, сонниками, я поняла, что этот сон предвещает смерть. Я испугалась за Папу, а позже в этот день нам прислали телеграмму из г. Татарска, (где живет вся Папина родня)– «Приезжайте на похороны». Мы все подумали, что умерла баба Марфа-

–5-

Папина мать. Папа беззвучно плакал, уткнувшись в диван, а наутро они с мамой уже были в Татарске. Какого же было их изумление, когда дверь им открыла баба Марфа. Оказывается, умер дядя Петя-муж тёти Маши, Папиной сестры. Конечно, мне было жалко дядю Петю, но я вздохнула свободно- сон мой сбылся и Папа жив.

Однако на следующую ночь мне снится следующий сон: « В небе летит самолёт такой, как в старых военных фильмах показывают. Я вижу троих пилотов (сквозь стеклянную кабину) и горящий хвост самолёта. Вдруг самолёт наклоняется на 90° вниз носом и резко падает в воду. Я в ужасе бегу к реке и вижу, как на берег из воды выкатывается самолёт. Подбегаю, открываю кабину и вижу лежащего пилота-Папу.» В холодном поту просыпаюсь и думаю, их же было трое, почему Папа один?

Когда папа с мамой вернулись из Татарска, я рассказа ему свой сон. Прошло не более 3-х месяцев, как Папа в последний день отпуска засобирался в лес за брусникой. Они с другим дядей Колей знали какие-то места и каждое лето, осень ходили за грибами, ягодами. Как сейчас помню и всегда, когда я его вспоминаю, передо мной всплывает его счастливое лицо после посещения леса. Глаза сияют, как звёзды, улыбка шикарная, зубы мелкие красивые, черные кудри из-под кепочки выбиваются, выцветшая штормовка, за плечами огромный рюкзак с грибами, в руках букет осенних листьев с какими-нибудь красными ягодами. Если грубо сравнивать с кем-либо из известных людей- он был похож на Кобзона.

Папа протягивает мне необыкновенно красивый подберёзовик с прилипшим листиком берёзы на шляпке и говорит: «На, Дочка, это тебе белочка передала!» А я глупенькая начинаю спрашивать, а как передала, что сказала, прямо Свете сказала, как она обо мне узнала?

И вот в конце августа 1984года, набрав с дядей Колей полные бидоны брусники они остановили на дороге попутную машину-лесовоз, который их взялся довезти до какой-то деревни, где жили дяди Колины родственники. Подробности мы с мамой так и не узнали, но по какой-то причине лесовоз полетел в кювет, шофёр и дядя Коля каким-то образом выскочили из машины, и в итоге в перевернутой машине остался один Папа. Он прожил 3 дня, в больнице нам сказали: «Тяжёлый случай, но мы таких вытягиваем.» Обнадеженные

мы с мамой пошли из больницы, а Папуля умер в эти часы, минуты. У него был множественный перелом ребер и задето лёгкое, после чего наступил отёк и смерть. Я видела его в отдельной палате ещё живым. Он был прикрыт простыней и очень тяжело дышал: к его груди был прикреплён какой-то агрегат, который как бы массировал его. Я редела в голос, глядя на него, а ему было неловко, что я вижу его таким. Он говорил: «Иди, доча, домой. Занимайся с Инной, скоро в школу, помогай ей с уроками». Уже как будто наказ мне давал.

В день его смерти к нам в гости утром должны были приехать папина сестра- тётя Маша и её дочь Наталья. Поэтому, когда врач нам сказал: «Идите домой, мы его вытянем», Мама поехала на вокзал встречать свою золовку, а я пошла на работу. В то время я работала в ЦУМе в секции «Мужская обувь» продавцом. Стояла на контроле, проверяла чеки. Ко мне обратилась покупательница с какими-то мужскими туфлями, я их взяла в руки, что-то ей

-6-

объясняла, когда увидела, как подошли Мама, Инна, тётя Маша, Наталья. Они были пронизаны горем насквозь, и мама мне одними губами сказала: «Всё».

Я закричала, заревела, закинула куда-то далеко эти ботинки, побежала в подсобку переодеваться. Конечно, меня все

успокаивали, ведь я

только утром просила их растолковать ещё один мой вещий сон : « Папа дома трясёт всю одежду, что-то ищет. Я спрашиваю, что ты ищешь? Папа: «Не видела мою путёвку в Дом отдыха «Солнечный»? Я- «Так ты её в задний карман джинсов положил» (а он в них ездил за ягодами). Папа так беспомощно : « А-а, значит я её потерял».

Он потерял в этот день жизнь- путёвку в Дом отдыха «Солнечный»!

Через полгода, кстати, умерла и баба Марфа от горя. А моя жизнь разделилась на две части : «До Папы» и «После Папы».

Всю осень и зиму после похорон с нами ночевала тётя Валя-Мамина сестра. Мы раскладывали диван-кровать, подставляли кресла и стулья поперёк дивана и спали вчетвером. Тётя Валя сидела со мной и в больнице, куда меня увезли с сильным приступом аппендицита на следующий день после похорон. Всю ночь после операции, тётя Валя стряхивала с моей кровати тараканов, которых в больнице была тьма, массировала мои пятки, которые после наркоза, мне казалось, вдавливали в асфальт.

На следующее лето Мамина подруга тётя Ева, живущая в Сочи, пригласила нас на море. Мы собрали все деньги, что

были и отправились в путь. Самолёт приземлился в Адлере, мы увидели пальмы, розы и наконец расслабились. Где-то по дороге в кустах, сняли капроновые колготки, пальто, кофты и всё равно было жарко. Тётя Ева была в командировке, но ключ оставила для нас у соседей, поэтому почти весь свой короткий отпуск мы жили одни. Ели один раз в день- не хватало денег, да и не сильно хотелось в такую жару. Зато на море ходили регулярно-пешего пути от дома было минут 30. И вот однажды, когда до конца нашего отпуска оставалось 3 дня, а денег 50 рублей, с нами произошёл такой эпизод. Идя на море мама прятала кольцо-печатку в доме, чтобы не смыть в воде. А «печаточку» она сделала из папиного обручального кольца и своей цепочки и выгравировала его букву «В», т.е. Владимир. И вот мама плавает, а мы с Инной увидели, что она не сняла кольцо и бегом к ней. Кричим: «Мама, осторожно! Кольцо!» Я кричу: «Зажми кулак!». А мама снимает его и протягивает Инне, чтобы унесла на берег и не паниковала. В общем, смотрю, Инна уже стоит кверху попой и шарит по дну. Колечко утонуло, а одна волна сменяет другую. И уже одна часть отдыхающих ищет нам кольцо, а вторая рассказывает, как их обокрали в аэропорту и они остались совершенно без денег. Другие рассказывают, что они потеряли, и что у них украли. Мне хотелось сесть в море с головой и ничего не видеть и не слышать. Мама плачет: «Это память о моём муже!» И вдруг в нескольких метрах от нас девчонка лет 14-ти протягивает нам кольцо и спрашивает:

«Это?» Мы не верим своим глазам. Прошло минут 20, как мама его обронила и в нескольких метрах от нас море нам его возвращает.

-7-

-Ну, Танюшка, заработала на шоколадку!» -говорит какая-то женщина. Я побежала к лотку с газировкой и разменяла свои несчастные 50 рублей, 10 из них отдала этой девочке. Мне было так стыдно, потому что я бы отдала 100рублей, но у нас не было больше и нужно было на что-то ещё кушать три

следующих дня, Девочка была, правда, очень рада. А мы подумали, что это Папа вернул нам кольцо.

В детстве я неплохо рисовала, и Папа хотел, чтобы я после школы поехала учиться в Ленинград (ныне Санкт-Петербург) на реставратора. Он очень любил этот город, часто ездил туда в командировки. Мы с Мамой и сестрой ждем его приезда и предвкушаем получение подарков. А Папа привезёт каких-нибудь открыток с видом города, значков, фотографий на фоне Медного всадника, набережной Невы. Мама в досаде – никакой обновки, а мы с Инной получим горсть конфет «Взлётные», которые в самолёте выдают и слушаем

Папины рассказы.

– Света, какой там есть ресторанчик- «Погребок» называется! Какой там рассольник в горшочках подают! А какие там белые ночи!

Позже, будучи взрослой, я сама съездила два раза в командировку уже в город Санкт-Петербург и сфотографировалась, как Папа и на фоне Зимнего дворца, и у памятника Петру-1, и у каждого фонтана в Петродворце, и даже в кабачке «Погребок», на который я случайно набрела. В «Погребке» я заказала себе рассольник в горшочке, что-то ещё и бокал шампанского, чтобы помянуть Папулю. Девочки-официантки сфотографировали меня на память, и я ушла, сопровождаемая, может быть, духом моего Папы.

Короче говоря, я любила рисовать, хотела учиться дальше этому ремеслу, но ни в какую не хотела уезжать из своего города.

Я была очень домашним ребёнком. Я даже не стала пытаться поступить в Омское художественное училище на иллюстратора книжек, хотя Омск намного ближе Ленинграда. Я не представляла своей жизни без родителей и сестры. Поэтому я отдала документы на художника-оформителя в торговое училище города Новосибирска. Экзамен длился 6 часов, скамеечки для того, чтобы рисовать сидя, мне не хватило, поэтому я рисовала чёртовы гипсовые фигуры, стоя на шпильках. Все 6 часов Мама, Папа и Инна ожидали меня в коридоре. Я окинула взглядом абитуриентов, рисовавших

вместе со мной, что конкурентов в нашей группе, а было человек 20, максимум 2-3 девушки. Парни, а их было где-то пятеро- рисовали откровенную фигню: если композиция на экзамене состояла из каких-то параллелепипедов, огромного яйца и узкого кувшина, то парни рисовали вместо узкого сосуда-деревенскую крынку.

Короче, нужна была группа из 25 человек, а заявления подали 125 человек. Когда мы с Папой пришли узнавать оценки, то прежде чем увидеть их мы прочли объявление о том, что абитуриенты, получившие удовлетворительные оценки считаются поступившими на курс. И среди 125 человек именно 25 получили «4» и «3», «5» получили два человека. Все остальные получили «2» и «1». Причем сложилось впечатление, что

–8–

«двойки» и «колы» ставились через одного, за исключением 25 человек. Мне достался «кол»! «Двойку» моя работа не заслужила, хотя на экзамен приходили бывшие студенты, (почему-то им позволялось входить) и говорили, что у меня всё отлично, чтобы я ничего не подправляла. И вот итог-всех парней зачислили, даже их крынки никого не шокировали.

Когда я увидела свой «кол» мне стало так стыдно, что я кинулась бежать без оглядки. Папа меня еле успокоил и убедил перевести свои документы в это же училище на обучение продавцов-консультантов в группу обувных товаров. Так я

попала в торговлю, до тех пор презиравшая всех продавцов.

Училище я закончила на «отлично», т.к. мне понравилось учиться, нравились все педагоги, и я видела, что тоже нравлюсь им. А на Новый год моя стенгазета получила 1-е место по училищу, а редколлегия группы художников-оформителей- 2-е. И, как отличница, была награждена бесплатной поездкой в Харьков, на зимние каникулы!

За отличную учебу меня распределили работать в секцию «Женской обуви» ЦУМа «Новосибирск». Просто так в ЦУМ не принимали продавцами!

В «Женской обуви» я отработала 3 года, как в армии отслужила или на зоне отсидела. Заведующая наша Блазкова Александра Григорьевна была старой девой и распоследней сукой. Но я благодарна ей за ту школу жизни, которую она мне преподнесла. Впоследствии сама став заведующей, я ставила себе цель быть полной противоположностью Блазковой. Её ненавидели все, кто с ней работал, а она ненавидела не только своих коллег по работе, но и покупателей. Она обожала унижать людей. Если какая-нибудь девчонка пыталась мерить туфли без подследника, а рядом с ней был её парень- был выход Александры Григорьевны:

—Девушка, посмотри на свои пятки! Ты ноги вообще когда-нибудь мыла? Ещё с парнем ходишь, не стыдно? Иди

подследники купи, – железным тоном говорила она и убивала своим взглядом.

Так вот, отработав с ней 3 года, (а я параллельно ещё и училась в техникуме Советской торговли), получив диплом, не заходя больше в эту секцию, пошла к вышестоящему руководству и сказала, что больше с Блазковой работать не буду. В этот же день меня перевели в секцию «Мужской обуви», где мне очень нравилось работать.

Затем произошла трагедия с Папой, месяц я пробыла на больничном, т.к. внезапно вырезали аппендицит. За это время у нас в ЦУМе открылся салон «Хрусталь, фарфор, подарки», куда выбирали лучших продавцов со всех секций, И я пошла туда работать. В «Хрустале» я отработала 5 лет. Коллектив был у нас дружный, весёлый. Каждый «красный день календаря» и день рождения мы отмечали в ресторане. Правда после Папы я не пила 3 года ничего спиртного, даже шампанского на Новый год- дала себе зарок. Но нарушила его, когда поехала в Германию, там невозможно было всем объяснять свои принципы, и я решила- это же заграница, здесь можно, а дома снова не буду. Но дома подумала, что раз уже нарушила, то какой смысл вести дальше аскетический образ жизни.

Работая в «Хрустале» я вступила в КПСС, куда, можно сказать, втащили меня на аркане. Многие говорили: «я не хотел вступать, но меня

заставили». Как правило, никто не верит. Я верю. Меня поставили в такие условия, да ещё и представили чуть не предателем партии и тех людей, которые меня рекомендовали.

Я дважды участвовала в конкурсе «Лучший по профессии ЦУМа». Один раз заняла 2-е место и на следующий год 1-е, за что награждалась путёвкой в молодёжные лагеря.

Только начиная работать в хрустальной секции, я сильно тосковала по Папе, периодически плакала на работе, в транспорте. Вредные покупатели меня раздражали. И вот как-то, обслуживая покупателей, вижу две девчонки, нагло отодвинув заграждение с противоположной стороны входа, с хохотом ввалились в секцию и, задирая ноги, которые служили у них указательными пальцами видимо, стали всё «лажать». Короче, хамили, хохотали вульгарно и показывали своим видом, что они плевали на всех. Я пошла закрыть за ними калиточку-ограждение и, равняясь с ними, только и бросила: «Закрывать надо за собой». Тем более, что у нас там и входа-то нет. У нас было, как в жизни: «Выход там же, где и вход». Эти дряни мне в след : «Заткнись, Дура!».

Мне кажется, меня несла какая-то сила! В какую-то секунду я сказала себе: «Остановись!» Но ноги, не касаясь пола, несли меня к двум «уважаемым» покупательницам, руки мои со всей силы дали одной даме по шее и я метелила её, пока нас не расцепили. Я видела физиономию этой дуры, она

была страшно прыщавая и смертельно бледная. Наверно, она ни разу в жизни не была так обслужена в магазине.

Девки свалили, а на другой день позвонили администратору с жалобой на меня, что я ударила одну из них в спину. Это было накануне моего вступления в кандидаты членов КПСС. Только благодаря тем людям, которые меня рекомендовали в Партию, дело замяли. А профсоюзный комитет выделил мне путёвку в пансионат г.Юрмала, подлечить свои нервы.

Юрмала-это особая страница в моей жизни. Это был ноябрь 1986г. Меня не волновало, что пляж пуст, нельзя плавать, загорать. Мне нравилось ходить по берегу моря, слушать чаек, качаться на качелях под зонтиком, т.к. периодически шли дожди. Нравились булыжные мостовые, о которые я стерла металлические набойки у шпилек модных сапожек. И сапожник, который мне менял их 2 или 3 раза удивлялся: «Как вы ходите? У нас никто не ходит на шпильках!»

Накануне 7 ноября я отправилась на танцы- местную санаторную тусовку. Я надела одно из красивых своих платьев-из марлёвки, индийского производства- чёрный с золотом сарафанчик на бретельках, сверху просторный белый жакет с рукавом до локтя, плюс огромные серьги-кольца чёрного с золотом цвета. Тогда были в моде блузоны, жакеты белого цвета, так что я была модной симпатичной девицей. На

танцах были люди в основной массе пожилые, как всегда бывает в пансионатах и санаториях. Конечно, мне хотелось с кем-нибудь познакомиться. И вот вижу- Он! Не просто симпатичный и высокий, а сразу видно, что этот человек-личность. Его манера держаться несколько надменно, элегантность, загадочность, обаятельная улыбка, обворожительный низкий голос (такой похожий голос я,

-10-

годы спустя, услышала у солиста группы «Високосный год» И Калинина)– всё это я отметила в какие-то секунды, как увидела его.

Зазвучал какой-то медленный танец, и ноги понесли меня прямо к нему. До этого я никого никогда не приглашала на танец, да и меня сильно не баловали ангажированием. Обычно я сидела, как сова за печкой, наблюдала за танцующими и затем с подружками «мыла кости» кому-нибудь.

Однако, наверное, это был белый танец, иначе я не могу и объяснить свою смелость.

Во время танца мы познакомились.

–Виктор!– представился он, и конечно, спросил, как меня зовут и в каком санатории я отдыхаю. До тех пор я терпеть не могла имя Витя, ну, что это в самом деле: Витя-тия, кошмар. А здесь не Витя, а Виктор-так звучит гордо! И я влюбилась следом за Виктором в его имя, в его город Маг-

нитогорск, в Александрию, которая находится в Египте, откуда он только что приехал работая сколько-то по контракту и т.д. Я влюбилась !

– Светлана, а как вы планируете провести завтра праздник-7 ноября?

А Светлана, до той поры 7 ноября отмечала на работе только во время утренней демонстрации, с водкой и песнями, с транспарантами и шарами. А сейчас меня приглашают в ресторан, как взрослую. Я в ответ что-то невразумительное хрюкнула, а назавтра с утра стала готовиться. Думала, на завтраке в столовой мы увидимся и договоримся. На завтрак он не пришёл, на обед тоже. На ужин перед теми же пресловутыми танцами, я пришла в японском люрековом золотом платье в коричневый мелкий горошек. Вижу- его опять нет. Думаю, чёрт с тобой и наелась от пуза. Ужин в столовой был праздничный, вкусный, плюс огромный кусок торта, да какой-то обалденный десерт со взбитыми сливками. Выходя из столовой, я наткнулась на своего Принца. Оказывается, он забыл, в каком номере я живу, он меня искал и не мог найти, и сейчас мы с его друзьями едем в ресторан, где он с утра заказал нам столик на четверых.

Ресторан назывался «Юрас Перле», т.е. жемчужина моря. Он был в форме корабля, зависшего над морем- очень красив, снаружи и внутри. Мы сидели у раскрытого окна, и волны казалось, бьют нам прямо в окно. Стол был накрыт изумительными закусками, и в таком количестве, что каза-

лось четвертым это съесть невозможно. Но тем не менее еду и спиртное подносили и подносили, и всё это съедалось. А глупая Света сидела, как пень и говорила, что ничего не хочет, так как была сыта санаторным ужином по самое горло. Из всего, что там было, я съела два маленьких канапе с чёрной и красной икрой, потому что чёрную никогда не ела, а красную – во второй или третий раз в жизни. Я злилась на себя, что так обожралась и тем самым испортила себе вечер. От вина я тоже отказалась, т.к. в то время не пила совсем, после того, что случилось с Папой. (Потому что, именно из-за того, что шофёр был пьян и не справился с управлением машины!)

Мы танцевали под Леонтьевскую песню «Исчезли солнечные дни, и птицы улетели», «Там в сентябре» и т.д. Короче, я всегда любила осень, тем более, что я родилась в октябре, а после осени 1986г. я просто обожаю это время года.

Мы общались с Виктором, и я выудила у него, что он женат. Думала, что скончаюсь здесь же в ресторане от такого горького разочарования. Упавшим голосом я спросила : «И дети есть?»

-11-

-Детей я пока не нажил,– ответил он, а я с облегчением вздохнула, хотя позже узнала, что соврал.

Время приблизилось к 11 часам вечера, затем к 12, и я запаниковала, сколько можно здесь сидеть, я привыкла в 22ч.

ложиться спать. Мне пояснили, что ресторан работает до 3-х часов ночи и раньше никто не собирается уходить. Я потребовала номерок, чтобы получить своё пальто в гардеробной, мне не дали. Пошла упрашивать гардеробщика, чтобы он отдал моё пальто без номерка, описывая содержимое карманов.— бесполезно. Я присела на кожаный диван, находящийся рядом с гардеробной, и решила, не встану с него, пока со товарищи не нагуляются. Но они вскоре спустились с шикарной винтовой лестницы и мы отправились пешком до своих апартаментов. Иногда мы останавливались, Виктор прижимал меня к себе и так тепло и много целовал во все части лица и головы. Я млела, но ночевать с ним вместе под одним одеялом не собиралась. Он же был другого мнения, так прямо мне и заявив:

—Сегодня ты будешь спать со мной

—Нет

—Да ты думаешь, что тебя сейчас пустят в свой номер после 24.00?

—Но вас же пустят, почему меня нет?

Надо сказать, что Виктор жил в другом корпусе, более дорогом.

—Мы предупредили и заплатили, поэтому нас встретят с распростёртыми объятиями.

Так оно и случилось. Я стучала в двери и окна первого этажа своего незатейливого корпуса «Дзинтари», и мне никто не открыл и ничего не ответил. Время было 2 часа ночи.

В итоге Жанночка, которая вместе с нами отмечала праздник, пообещала, что я буду ночевать с ней в её номере, и я была вынуждена согласиться. А уж как был вынужден согласиться Виктор, который до последнего момента думал, что эту ночь он проведёт со мной, и не передать!

Тем не менее на завтра мы вновь встретились. И весь наш курортный роман заключался в том, что он меня добивался, а я ни в какую не уступала. Я хотела близости с ним и жутко боялась, т.к. ничего у меня в жизни ещё такого взрослого не было, хотя при этом мне было уже 24 года, Виктору, кстати, было 32 года.

И вот сегодня он уезжает в свой Магнитогорск. Вечер. Сцена прощания. Он меня обнимает, нежно и долго целует. Сзади меня зеркало, я чувствую, что он не сводит с себя глаз – как он смотрится, красиво ли мы прощаемся. Затем начинает мне диктовать свой адрес, свою фамилию просит написать. Адрес повторяет несколько раз. Прямо, как в кино: «Не забудь, станция Луговая». Затем говорит, что возможно прилетит, а это 2 часа лёту не спрашивая при этом моего адреса, но зная, что я работаю в ЦУМе, и может быть пришёл бы ко мне на работу, поселившись в гостинице. В последний момент просит, чтобы я поехала в аэропорт его проводить. От Юрмалы до Риги на такси час по – моему минимум ехать, если я правильно помню. Время позднее, деньги в сумке в номере. Я говорю:

–А как же я назад?

–Что-нибудь придумаем.

-12-

И я понимаю, что у него деньги кончились. Таксист ему сигналит, торопит, и мы расстались. Я бреду к себе в номер. В душе такая тоска и песня, в то время очень модная «Я тебя никогда не забуду, я тебя никогда не увижу». Опускаю в руку в карман, оказывается есть деньги, но уже поздно.

Следом бежит Жанночка, говорит, не хочет оставлять сейчас меня одну, рассказывает о себе, учит меня жизни, рассказывает о Викторе (она дружила с его соседом по комнате). Сообщила что у него двое детей, что не о каких серьёзных отношениях тут и речи не могло быть.

Приехав в родной Новосибирск, и выйдя на работу, я каждый день ждала, что возможно сегодня он приедет, прилетит. 2 часа лёту – это же так мало!

На Новый год я послала ему открытку, где написала ему маленькое письмо в виде поздравления ему и его детям, о которых мне поведала Жанночка, естественно указала свой обратный адрес. Ответа не было. Через какое-то время, а именно через год, когда я съездила в очередной отпуск в Германию, я написала ему об этом письмо, о чём ещё не помню, наверное о любви. Ответа не было. На 7 ноября 1987 года я отправила ему открытку, которую вытащила из набора «Достопримечательности Риги и Юрмалы» -это была фотогра-

фия ресторана –корабля «Юрас-Перле».

Через знакомую на почте я узнала по домашнему адресу телефон и звонила раза 2-3. Мне всё время грубо отвечали: «Нет его!» То женский голос, то мужской стариковский. Последний раз, когда я позвонила, мне со злостью ответили: «Он здесь больше не живёт!», и шмяк трубку.

У меня мысль-развелись. Надо ехать. А прошло уже 3 года. Я соврала дома, что мне дали путёвку на 5 дней в какой-то город, купила себе и подружке по работе билеты на самолёт- (в то время это было почему-то не накладно для меня). И через 2-3 часа была уже в Магнитогорске.

Боже мой, какой Магнитогорск- грязный город! Пока таксист свозил нас во все три гостиницы, имеющиеся в городе (нигде не было мест), мы провели своеобразную экскурсию по городу. Город-завод, сплошные трубы, чёрный дым везде, ужасный смог! Как можно там жить и какая там продолжительность жизни, хотелось бы узнать. Короче, привёз нас таксист к железнодорожному вокзалу и показал их ведомственную четвёртую по нашему счёту гостиницу. Эта гостиница находилась в первом подъезде обычной 5-этажки и номера её находились на 3 и 4 этаже. Вот так гостиница! У комендантши были выходные, какие-то праздники (точнее 7 ноября). Мужики с 3 этажа рассказали нам, что она живёт в соседнем

доме и дали её адрес. Наверно им хотелось заполнить таких соседок. Короче, поселились мы на 4 этаже в обычной однокомнатной квартире, надо сказать, с приличной мебелью, шторами, ковром и холодильником. С приездом решили, с Лариской-коллегой моей по работе, тяпнуть винца. Хватились-штопора нет. Ясень пень, пошли к соседям на 3 этаж. Молодой симпатичный человек по имени Саша, с удовольствием, нам помог. Завязалась соседская дружба.

На следующий день, позвонив по бывшему домашнему телефону Виктора, мы поняли, что никто нам о его местонахождении не собирается

-13-

сообщать. Мы берём в союзники Сашу, тот берётся нам помогать при условии, что мы ему всё откровенно расскажем. Делать нечего, говорю вкратце: «Любил, обещал приехать, обманул. Хочу просто посмотреть в глаза». Саша покрушался. Было видно, что он на меня положил глаз, но пошёл по тому адресу, что у меня был. Сообщил деду, открывшему двери, что проездом из Риги и привёз Виктору то, что он ему заказывал. Надо сказать, что Саша действительно жил в Риге. Дед дал ему адрес и видно тут же отзвонил Виктору. Потому что, придя по его новому адресу, который я уже конечно не помню, но на 1 этаже его дома находился свадебный магазин, а на крыше светилась неоновая вывеска «Дом счастья», нас уже ожидали настороженно. Когда Саша

позвонил в двери, Виктор ему тут же открыл. Когда Саша сказал, что его хотят видеть и ждут у подъезда, он тут же пошёл, хотя не понимал в чём дело.

Он вышел из подъезда:

—Света? — он был не просто изумлён, шокирован. Тут же взял меня за локоть, быстро повёл меня от подъезда, затем сказал, чтобы я шла вперёд, а он сядет в машину, которая стоит возле подъезда и догонит меня. Я успела перед этим сказать, что я в командировке и остановилась в гостинице.

Мы с Сашей и Лариской пошли вперёд. Лариска обернулась и увидела, как выскочила женщина, застёгивая на бегу куртку, и что-то принялась выяснять, надо полагать с мужем.

Мы шли, не торопясь, в свою гостиницу-люкс, а параллельно по дороге ползла машина белого цвета.

Вечером мы сидели втроём у нас в номере — я, Саша и Лариска, пили коньяк, закусывали, смотрели телевизор. Саша говорил, что первый раз встречает такую красивую и одновременно умную девушку. Он рассказывает мне о себе, предлагает выйти за него замуж и т.д.

Звонок в дверь! Лариска идёт открывать. Я слышу его бархатный голос, он просит, чтобы меня пригласили. Подруга потом мне сказала, что никогда не слышала такой красивый голос, подчеркнула, что внешне Виктор похож на эстонского ведущего Урмаса Отта, но это всё я и так знала.

Мы вышли во двор, прошлись, поговорили. Удивился, что у меня здесь командировка. Я сказала, что приехала, потому

что хотела просто его увидеть, узнать, что он не умер и узнать отчего не приехал он. Я помню только, что он мне ответил:

–Я отрезанный ломоть, Света. Да у меня двое детей- мальчик и девочка

–А как их зовут?

–Владимир и Светлана

И я подумала, не будет второй Светланы Гревцовой, т.к. мы не поженимся и не будет второго Володи Гревцова (т.к. я, как и он хотела назвать своего сына в честь отца).

Что-то ещё Виктор мне говорил, я поняла, что он получал мои послания, но ничего не помню из того, что было сказано. Опять была тоска, Сага Вознесенского: « Я тебя никогда не забуду, я тебя никогда не увижу!»

Но ещё что-то проснулось во мне, то ли уверенность, что если я что-то захочу изменить, то смогу это сделать. Захотела увидеть, купила билеты на самолёт, прилетела и увидела. А могла вечно страдать, как Кончита из «Юноны и Авось».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.